

: < dt. *Leitzahl, postai irányítószám* : < dt. *Postleitzahl, munkaegység* : < dt. *Arbeitseinheit, forgatókönyv* : dt. *Drehbuch*, usw. Ein bestimmter Teil der internationalen Wörter wird — aus geographischen Gründen — weiterhin durch deutsche Vermittlung ins Ungarische gelangen. Mir scheinen die Quellenangaben des NSz (= Nagyszótár. Handschriftliche Materialien des Thesaurus der ungarischen Sprache) im Verzeichnis der Abkürzungen überflüssig zu sein: es hätte genügt, sie nur im wortgeschichtlichen Teil der Wortartikel zu bringen. Dadurch hätte man auch Platz sparen können. Genauso ist es überflüssig, in den Wortartikeln Belege aus dem TESz so zu zitieren, daß sowohl die Urquelle als auch TESz als locus genannt wird: eins von den beiden würde ausreichen (z. B. «Kunoss: Gyal.: TESz 1, 576»: S. 132, u. *csuszpájsz*). Es hätte unbedingt erwähnt werden müssen, daß der Trianoner Friedensvertrag, nach dem Ungarn $\frac{2}{3}$ seines früheren Staatsgebietes verloren hat, die Möglichkeiten der sprachlichen Interferenz zwischen Deutschen und Ungarn wesentlich eingeschränkt hat. Verfasserin hätte auch neuere ungarischsprachige Zusammenfassungen bezüglich der Geschichte Ungarns konsultieren können (z. B. : E. Molnár (Red.), *Magyarország története I—II*. Budapest 1967). — Inkonsequent wird das Verbalsuffix *-l* erwähnt: *-l* (S. 561), *-el* (S. 122, 474), *-ol* (S. 387, 399). Richtiger ist, das Suffix immer mit Bindevokal zu zitieren. — Kleinere Meinungsverschiedenheiten zwischen TESz und Verfasserin siehe in folgenden Wortartikeln: *adu, bak, bál, csakliz, dözsöl, mafla*. — Störende Druckfehler gibt es nicht viele, allerdings ist — auch wegen des nicht immer klaren Drucks

— Vorsicht geboten. *garnér, garnyér* entstanden nicht aus *garníroz*, sondern *garnéroz* (S. 180). Ungarisch *szablya* (altung. bzw. mundartl. *szabla*) und dt. *Säbel* klingen nicht zufällig ähnlich (S. 569): das dt. Wort geht nämlich letzten Endes auf das ungarische Wort zurück. Frau Kobilarov behandelt viele solche Wörter, die in der ungarischen Fachliteratur bis dahin noch nicht etymologisiert wurden, z. B. *leukoplaszt, liferál, lokál, lóden, lóré, lősz, manőver, markíroz, matt, mütesszer, náci, nettó, nipp, okker, onkli, pacsni, paff, pancser, patent, pedál, placc, procc, rezzi, roller, roletta, rúna, zsanér*. Bei einigen Wörtern konnte sich Verfasserin nicht einmal auf deutsche Vorarbeiten stützen, z. B. *linzer, londíner, parízer, ruszli*. Ein Positivum ist, daß Verfasserin auf die Fälle verweist, wo dasselbe deutsche Wort in benachbarte Sprachen des Ungarischen entlehnt wurde. Es war richtig, daß Verfasserin besonderen Wert auf die Wortgeschichte gelegt hat (deren Zusammenstellung eine mühsame und zeitraubende Arbeit war). Ein Vorteil dieser Arbeit ist, daß sie auf deutsch geschrieben wurde, und so ist sie auch den des Ungarischen nicht kundigen Linguisten zugänglich.

3. Die rezensierte Monographie ist eine gute und verlässliche Zusammenfassung der bezüglichen ungarischen etymologischen Forschungsergebnisse. Frau Kobilarov hat eine gute Ausgangsposition für weitere Forschungen und ein leicht zu handhabendes, praktisches Orientierungswerk geschaffen. Dies ist eine Leistung, die Anerkennung verdient.

JENŐ KISS (Budapest—Göttingen)

<https://doi.org/10.3176/lu.1975.2.12>

Pecca Sammallahhti, Material from Forest Nenets, Helsinki 1974 (Castrenianumin toimitteita 2). 140 стр.

Книга П. Саммаллахти содержит материал по лесному диалекту ненецкого языка, записанный им осенью 1971 года в Ленинграде от носительницы этого диалекта М. Агичевой, урожденной С. Харампур на р. Пур (год рождения — 1947). Работа состоит из краткого грамматического очерка (стр. 13—101), двух корот-

ких текстов (стр. 103—115) и словаря (стр. 117—132). В ней мы находим также схематическую карту территории расселения лесных ненцев (стр. 12). На лесном диалекте говорит небольшая группа ненцев (по очень приблизительным подсчетам, около 1000 человек), проживающая в таежной зоне по отдельным притокам

р. Оби (Лямин, Сахалинская и др.) и по р. Пур (см. прежде всего: Н. М. Терещенко, Материалы и исследования по языку ненцев, Москва—Ленинград 1956, стр. 10). Г. Вербов различал в диалекте три основных говора: нялинский, ляминский и пуровский (там же, стр. 195). П. Саммаллахти рассматривает тундровый и лесной диалекты ненецкого языка как самостоятельные языки, которые вместе с энецким и нганасанским образуют северную группу самодийских языков (стр. 11). В лесном ненецком языке он различает (на основании идиолектов в записях Т. Лехтисало) три диалекта: западный (р. Назым), центральный (р. Лямин, Сахалинская и другие; состоит из двух разных говоров) и восточный (р. Пур) (стр. 32—33). Диалектное подразделение как Г. Вербова, так и П. Саммаллахти основывается главным образом на встречаемости пралесных (праненецких) согласных *r, *l, *ʃ, *ʎ (убедительная реконструкция П. Саммаллахти, см. стр. 32—34).

Диалект лесных ненцев, значительно отличающийся от тундрового, летом 1845 г. открыл для науки М. А. Кастрен, который не успел все же изучить восточный говор на р. Пур. Почти через 70 лет — в 1914 г. — лесных ненцев посетил Т. Лехтисало, который записал и речь двух носителей восточного говора. В том же году некоторое количество слов по западному и центральному говорам зафиксировал К. Доннер. Более чем два десятилетия спустя изучением всего диалекта занимался Г. Вербов. Новейшие известные нам записи по лесному диалекту, причем именно по восточному говору, вел осенью 1971 г. П. Саммаллахти, а осенью следующего года — автор этой рецензии, которому удалось записать в Ленинграде материал у информанта среднего возраста И. Куниной-Айваседо, урожденной с. Халесовая, недалеко от Харампура — родного села информанта П. Саммаллахти. Материал по лесному диалекту ненецкого языка главным образом можно найти в следующих источниках: 1) М. А. Castrén, T. Lehtisalo, *Samojedische Sprachmaterialien*, Helsinki 1960 (MSFOu 122), стр. 262—316 (данные по грамматике и словарь М. А. Кастрена); 2) T. Lehtisalo, *Juraksamojedische Volksdichtung*, Helsinki 1947 (MSFOu

XC), стр. 27—28, 33, 35—37, 44, 50, 72, 78, 104—106, 135—138, 266—285, см. также стр. X (фольклорные тексты); 3) его же, *Juraksamojedisches Wörterbuch*, Helsinki 1956 (LSFU XIII), см. и стр. CIV—CV (слова, грамматические формы и выражения); 4) K. Donner, A. J. Joki, Kai Donners Kleinere Wörterverzeichnisse aus dem Jurak-, Jenissei- und Tawgy-Samojedischen, Katschatatarischen und Tungusischen. — JSFOu 58 1956 1, стр. 7—11, см. и стр. 5 (слова); 5) Г. Д. Вербов, Диалект лесных ненцев [Ленинград 1935] (рукопись в архиве Института этнографии АН СССР в Ленинграде: фонд 2, опись 2, № 1; 226 стр. машинописи) (данные по грамматике, слова и выражения); 6) Н. М. Терещенко, Ненецко-русский словарь, Москва 1965, см. и стр. 10 (некоторые слова); 7) рецензируемая книга П. Саммаллахти; 8) наши рукописи на кафедре финно-угорских языков Тартуского государственного университета (некоторые грамматические сведения, слова и выражения). Данные, бесспорно относящиеся к восточному (пуровскому) говору лесного диалекта, приводятся в источниках 3, 7 и 8, они имеются, видимо, также в источнике 5 (их наличие не исключено и в источнике 6).

Таким образом, собранный и опубликованный П. Саммаллахти материал по восточному говору лесного диалекта ненецкого языка является большой редкостью и тем самым служит значительным пополнением наших знаний как об этом говоре и диалекте, так и о самодийских языках вообще. Ценность материала П. Саммаллахти для изучения фонетики самодийских языков заключается в точной транскрипции, в наблюдениях автора над явлениями ударения и интонации в говоре (стр. 29, 31), хорошей систематизации и верном, на наш взгляд, синхронном и диахронном морфонологическом анализе материала. Заслуживают внимания замечания автора о порядке слов (стр. 100—101). Приведено много примеров на парадигмы словоизменения, короткие тексты подвергнуты детальному фонетическому и морфологическому анализу. Рецензируемая книга выходит далеко за рамки сборника языковых материалов, она представляет собой значительное научное исследование в области описательного и исторического изучения самодий-

ских языков. Мы считаем нужным рекомендовать труд П. Саммаллахти каждому, кто интересуется проблемами строя и развития самодийских языков. В лице автора мы имеем дело с молодым талантливым и многогранным финским уралоистом. Будет, пожалуй, небезынтересно сопоставить запись Саммаллахти с записью восточного говора у других исследователей (у Г. Вербова лишь предположительно, поскольку мы не располагаем данными о том, что у него фиксируется именно этот говор), например: (Саммаллахти) $\eta\text{tt}\grave{\text{a}} \sim$ (Кюннап) $\eta\text{t}\grave{\text{a}} \sim \eta\text{u}\grave{\text{d}}\text{:a} \sim$ (Лехтисало) $\eta\text{ttv} \sim \eta\text{tt}\grave{\text{a}}\text{v}$ [~ (Вербов) ηta] 'рука' | (Саммаллахти) $\eta\text{tt}\grave{\text{a}}\grave{\text{i}} \sim$ (Кюннап) $\eta\text{u}\grave{\text{d}}\text{:a}\grave{\text{i}}$ 'моя рука' | (Саммаллахти) $\text{d}\grave{\text{i}}\text{k}\ddot{\text{u}} \sim$ (Кюннап) $\text{d}\grave{\text{i}}\text{k}\ddot{\text{u}}$ [~ (Лехтисало) $\text{d}\grave{\text{i}}\eta\text{k}\ddot{\text{u}} \sim \text{d}\grave{\text{i}}\text{k}\ddot{\text{u}}$ 'нет, отсутствует' | (Саммаллахти) $\text{kul}\ddot{\text{L}}\ddot{\text{i}} \sim \text{kul}\ddot{\text{L}}\ddot{\text{i}}$ [~ (Кюннап) $\text{kul}\ddot{\text{L}}\ddot{\text{i}}$ - v] $\text{p}\grave{\text{a}}\grave{\text{a}}$ 'можжеватель' [~ (Вербов) $\text{kul}\ddot{\text{i}}$ 'ворон'] | (Саммаллахти) $\text{šit}'\text{t}'\text{š}\grave{\text{a}} \sim \text{št}'\text{š}\grave{\text{a}} \sim$ (Кюннап) $\text{šit}'\text{š}\text{v}$ 'два' | (Саммаллахти) ta' (2 л. ед. ч. императива от 'принести, дать') [~ (Кюннап) ta 'подай!'] (Саммаллахти) $\text{ç}\grave{\text{a}}\text{ll}\grave{\text{a}}\text{kku} \sim$ (Кюннап) $\text{ç}\grave{\text{a}}\text{ll}\grave{\text{a}}\text{kku}$ [~ (Вербов) $\text{ç}\grave{\text{a}}\text{lako}$] 'зверь' | (Саммаллахти) $\eta\grave{\text{a}}\text{e}\text{v}\text{v}\text{a}$ 'голова' [~ (Кюннап) $\eta\grave{\text{a}}\text{i}\beta\text{a}-\text{ç}\grave{\text{a}}\text{n}$ 'две головы'] [~ (Лехтисало) $\eta\grave{\text{a}}\text{i}\beta\text{i}\beta\text{v}$ 'голова'] | (Саммаллахти) $\text{k}\grave{\text{a}}$ 'ухо' [~ (Кюннап) $\text{k}\text{a}-\text{ç}\grave{\text{a}}-\eta$ 'два уха'] [~ (Лехтисало) $\text{k}\ddot{\text{a}}$ [~ (Вербов) $\text{k}\ddot{\text{a}}$] 'ухо'] (Саммаллахти) $\eta\grave{\text{a}}\text{i}$ 'нога' [~ (Кюннап) $\eta\grave{\text{a}}-\text{ç}\grave{\text{a}}-\eta$ 'две ноги'] | (Саммаллахти) $\text{m}\grave{\text{a}}\text{n}\text{š}\text{ç}\text{i}\grave{\text{a}}-\eta\eta\grave{\text{a}}\text{t} \sim$ (Кюннап) $\text{m}\text{v}\text{n}\text{š}\text{l}\grave{\text{a}}-\text{m}$ 'я работаю' | (Саммаллахти) $\text{m}\grave{\text{a}}\text{tt}\grave{\text{a}}-\text{š}$ 'резать' [~ (Кюннап) $\text{m}\text{ot}\grave{\text{a}}-\text{m}$ 'я порезал']. Ср. и парадигмы склонения:

(Саммаллахти) (Кюннап)

номинатив	$t'\text{š}\text{ö}\text{ñ}\text{ñ}\grave{\text{a}}$ 'лиса'	$\eta\text{u}\grave{\text{d}}\text{:a}$ 'рука'
генитив	$t'\text{š}\text{ö}\text{ñ}\text{ñ}\grave{\text{a}}\eta$	$\eta\text{u}\grave{\text{d}}\text{:}\eta$
аккузатив	$t'\text{š}\text{ö}\text{ñ}\text{ñ}\grave{\text{a}}\text{m} \sim -\eta$	$\eta\text{u}\grave{\text{d}}\text{:}\text{m}$
латив	$t'\text{š}\text{ö}\text{ñ}\text{ñ}\grave{\text{a}}\text{n}$	
локатив	$t'\text{š}\text{ö}\text{ñ}\text{ñ}\grave{\text{a}}\text{ç}\grave{\text{a}}\text{anna}$	$\eta\text{utv}\text{ç}\grave{\text{a}}\text{n}\text{a}$
аблатив	$t'\text{š}\text{ö}\text{ñ}\text{ñ}\grave{\text{a}}\text{ç}\grave{\text{a}}\text{t}$	$\eta\text{utv}\text{ç}\grave{\text{a}}\text{t}$
прозекутив	$t'\text{š}\text{ö}\text{ñ}\text{ñ}\grave{\text{a}}\text{m}\text{anna}$	

ном.-акк.	$t'\text{š}\text{ö}\text{ñ}\text{ñ}\grave{\text{a}}\text{ç}\grave{\text{a}}\eta$	$\eta\text{u}\text{ttv}\text{ç}\grave{\text{a}}-\eta$
	'две лисы'	'две руки'
генитив	$t'\text{š}\text{ö}\text{ñ}\text{ñ}\grave{\text{a}}\text{ç}\grave{\text{a}}\eta$	$\eta\text{u}\text{ttv}\text{ç}\grave{\text{a}}-\eta'$
латив	$t'\text{š}\text{ö}\text{ñ}\text{ñ}\grave{\text{a}}\text{ç}\grave{\text{a}}\eta\text{ñ}\grave{\text{a}}\eta$	$\eta\text{utv}\text{ç}\grave{\text{a}}\eta\text{ñ}\grave{\text{a}}$
локатив	$t'\text{š}\text{ö}\text{ñ}\text{ñ}\grave{\text{a}}\text{ç}\grave{\text{a}}\eta-$	
	$\text{ñ}\grave{\text{a}}\text{n}\text{n}\grave{\text{a}}$	$\eta\text{utv}\text{ç}\grave{\text{a}}\eta\text{ñ}\grave{\text{a}}-\text{n}\text{a}$
аблатив	$t'\text{š}\text{ö}\text{ñ}\text{ñ}\grave{\text{a}}\text{ç}\grave{\text{a}}\eta\text{ñ}\grave{\text{a}}\text{t}$	$\eta\text{utv}\text{ç}\grave{\text{a}}\eta\text{ñ}\grave{\text{a}}\text{t}$
прозекутив	$t'\text{š}\text{ö}\text{ñ}\text{ñ}\grave{\text{a}}\text{ç}\grave{\text{a}}\eta\text{ñ}\grave{\text{a}}-$	$\eta\text{utv}\text{ç}\grave{\text{a}}\eta\text{ñ}\grave{\text{a}}-$
	$\text{m}\text{n}\grave{\text{a}}$	mnv

П. Саммаллахти выделяет в говоре следующие фонемы: $a, o, u, e, i, \bar{a}, \bar{o}, \bar{u}, \bar{e}, \bar{i}, ae, ae; v, \acute{v}, j, m, \acute{m}, n, \acute{n}, \eta, d', p, \acute{p}, t, \acute{c}, k, \acute{c}, h\acute{p}, h\acute{t}, h\acute{c}, h\acute{k}, h\acute{s}, s, \acute{s}, L, L', l, l', r$. Он указывает, что некоторые гласные могут редуцироваться — особенно безударные — или выпадать и что интервокальные согласные обычно геминированы. Приведена система фонетических характеристик фонем. В склонении имен привлекает внимание тот факт, что в единственном числе падежными окончаниями как генитива, так и аккузатива часто бывают суффиксы $-\eta$ и $-m$; автор, кажется, склонен считать это результатом вторичного смещения (см. стр. 35—36). Укажем, что употребление $-n$ вместо $-m$ в аккузативе единственного числа — но не $-m$ вместо $-n$ в генитиве — можно в незначительной мере проследить также в тундровом диалекте ненецкого языка и в селькупском языке, так что эту проблему можно решить лишь в общесамодийском плане (см. А. К ü п п а р, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I, Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki 1971 (MSFOu 147), стр. 69, 70—71). Нам хотелось бы особо подчеркнуть, что конкретный диалектный материал позволяет автору книги прийти к следующим реконструкциям: $*-jt$ на конце форм генитива множественного числа (стр. 35), $*-k\grave{\text{a}}\text{t}$ на конце форм латива множественного числа (стр. 37) ($*-t$ является в обоих случаях показателем множественного числа, см. стр. 134) и окончание латива $*-k\grave{\text{a}}$ в посессивном склонении (стр. 49); например, ген. мн. ч. $t'\text{š}\text{ö}\text{ñ}\text{ñ}\grave{\text{a}} < *č\text{ö}\text{ñ}\text{a}\text{jt}$, лат. мн. ч. $t'\text{š}\text{ö}\text{ñ}\text{ñ}\grave{\text{a}}\text{ç}\grave{\text{a}} < *č\text{ö}\text{ñ}\text{a}\text{k}\grave{\text{a}}\text{t}$, лат. I-го лица ед. числа $*č\text{ö}\text{ñ}\text{a} + *k\grave{\text{a}} + *ñ\grave{\text{a}}$ (от $t'\text{š}\text{ö}\text{ñ}\text{ñ}\grave{\text{a}} < *č\text{ö}\text{ñ}\text{a}$ 'лиса'). Происхождение

указанных формантов в северносамодийских языках является в последнее время объектом спора между исследователями. Реконструкции П. Саммаллахти, на наш взгляд, достоверны: они подтверждаются данными из других самодийских языков (ср. наши реконструкции этих формантов для прасамодийского языка соответственно **-jštV*, **-kVtV*, **-kV-*, сходные с реконструкциями П. Саммаллахти; см. А. Кюппар, указ. раб., особенно стр. 50, 125—127, где коротко реферированы также точки зрения других исследователей). Наречия места и образа действия на *-η* образованы, по П. Саммаллахти, при помощи падежного окончания генитива (стр. 94). Но говорить о наличии в них окончания генитива не совсем правильно, так как здесь мы имеем явно дело с очень древними функциями прауральского коннективного суффикса **-n*, а не с разновид-

ностью употребления генитива, т. е. падежной формы с функцией выражения обладателя в широком значении. Внимания заслуживает вывод автора книги о том, что окончание латива *-η* в конце послелога *n̄āη*, присоединенного к формам двойственного числа имен (см. пример выше), возводится к **-ηə* (а не просто к **-η*), поскольку 1) в нем выступает долгий гласный (вместо краткого), 2) **-ə* сохранился в *n̄ān̄ηqai* 'мне', 3) **-η-* не перешел в *-n-* в *n̄ān̄ta* 'ему' (стр. 37, 134). Много интересных деталей можно найти и в изложении и анализе спряжения и словообразования, но мы не будем отнимать время у тех коллег, которым, как мы надеемся, уже захотелось познакомиться с самой книгой П. Саммаллахти.

АГО КЮННАП (Тарту)

Kullo Vende, Eesti vokaalide põhitooni mõjustavaid foneetilisi tegureid. Väitekiri filoloogiakandidaadi teadusliku kraadi taotlemiseks, Tallinn 1974.

On June 5, 1974, the Council for History and Philology of the Social Sciences Department of the Estonian S.S.R. Academy of Sciences heard a public discussion of Kullo Vende's thesis "Phonetic Factors Conditioning Pitch in Estonian Vowels", submitted for the scientific degree of Candidate of Philology. The official opponents were Academician P. Ariste (Tartu) and L. Kukulšičikova, C. Ph. (Leningrad).

It is for some fifty years now that the present writer has kept abreast of the development of phonetic sciences in Estonia. L. Kettunen provided a firm basis for experimental phonetics through an analysis of the phonetic peculiarities of one Estonian dialect; W. Peters took a step forward with his studies of intonation and quantity in Estonian. The present reviewer, too, can be considered an adherent of those two old schools: having begun his experimental work with the kymograph, the artificial palate, the laryngeal capsule and the nasal olive, he finally came to use the oscillograph, but this was the utmost he achieved. When the Institute of Language and Literature of the Estonian S.S.R. Academy of Sciences acquired a

phonetics laboratory and Georg Liiv took charge of it and of the research done in it, the science of phonetics in Estonia was placed on an entirely new foundation. This laboratory has trained its present head, Arvo Eek; and it has also trained Kullo Vende, the author of the thesis being reviewed. Owing to his papers published in various languages, K. Vende has been known for some time already to Soviet and foreign phoneticians and scholars interested in phonetics. The present thesis is a new achievement in Estonian phonetics. It is also a considerable achievement in the field of general phonetics.

The reader of the thesis is immediately struck by the author's extensive reading and by his erudition in the analysis of the literature. The reader observes at the very outset that the author favours those phoneticians who have advanced the idea of the basic intonation contour. Moreover, this concept has been usefully elaborated by the author.

In broad outline, the concern of Vende's investigation is in what way and how much various phonetic factors affect the movement of the fundamental frequency